

Эпоха. 1864. №3.

ЗАМѢТКИ ЛѢТОПИСЦА

1864 МАРТЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Я ничего не начинаю и ни къ чему не приступаю; собственно говоря, я продолжаю давно начатое дѣло, и потому долженъ сдѣлать это предисловіе. Читатели найдутъ здѣсь рядъ бѣглыхъ замѣтокъ, тѣхъ замѣтокъ, которыя каждый дѣлаетъ, читая современныя книги и журналы и раздумывая о современныхъ дѣлахъ. Порядка въ нихъ никакого не будетъ; за то я постараюсь, чтобы онѣ имѣли строгую связь. Начала у нихъ нѣтъ и конца имъ быть не можетъ; но, по мѣрѣ силъ я придамъ имъ правильное теченіе. Этими

объясненіями я хотѣлъ бы заранѣе предупредить некоторые упреки, которыхъ опасаюсь. Можетъ быть читатель, прочтя иную замѣтку, скажетъ: что же это какъ-то ничѣмъ не оканчивается? Отвѣчаю: я бы остался доволенъ и тѣмъ, еслибы вы сказали, что это неоконченное хорошо начинается. Можетъ быть читатель въ другой разъ замѣтитъ: какъ мало сказано! Это слѣдовало бы развить и изложить обстоятельно. Отвѣчаю: я радъ, что хоть затронулъ то, что привлекаетъ ваше вниманіе, и, по вашему мнѣнію, заслуживаетъ большаго развитія.

Марево и естественныя науки.

Съ большимъ интересомъ читается романъ Марево (Русск. В. № 1 и 2), еще не конченный. Онъ принадлежитъ къ полемическимъ романамъ въ родѣ Взбаламученнаго моря; т. е. онъ въ лицахъ изображаетъ борьбу мнѣній и убѣжденій, еще въ настоящую минуту волнующихъ

общество, причемъ авторъ самъ тайно становится на одну изъ борющихся сторонъ. Читателю обыкновенно не трудно бываетъ проникнуть эту тайну и отличить съ кѣмъ изъ дѣйствующихъ лицъ авторъ соглашается и съ кѣмъ нѣтъ. Правда авторы всячески стараются скрыть столь nepозволительные приемы, стараются сдѣлать свои лица вполне живыми людьми, а не простыми вывѣсками извѣстныхъ мнѣній; но вполне это рѣдко удается. Чаще всего гдѣ нибудь въ уголкѣ картины, среди лицъ, стоящихъ на заднемъ планѣ, попадаются фигуры слегка набросанныя и потому невольно обнаруживающія замыслы автора; эти лица вполне напоминаютъ старинныхъ Стародумовъ и Здравомысловъ.

Если я сильно не ошибаюсь, въ Маревѣ къ такимъ фигурамъ относятся директоръ гимназіи Разгоняевъ и учитель математики Тонинъ. Между ними идетъ разговоръ о томъ, почему ученики въ ихъ гимназіи такъ распущены. Разгоняевъ, только что принявшій начальство надъ гимназіею и пораженный нѣкоторыми сценами,

спрашиваетъ Тонина: «Что это такое? помилуйте, что это такое? Они хотятъ учить, а не учиться! Что тутъ дѣлать?»

Тонинъ отвѣчаетъ:

«Въ этой несчастной страсти перечить учителямъ виноваты сами учителя, поднимающіе мальчишекъ на ходули. Чѣмъ напримѣръ занимаются въ класѣ исторіи? Читаютъ Бокля, котораго конечно не понимаютъ; въ класѣ естественной исторіи разсуждаютъ о теоріяхъ постепеннаго развитія существа отъ простѣйшихъ формъ и проч.»

И такъ вотъ гдѣ зло! Теорія постепеннаго развитія изъ простѣйшихъ формъ есть одинъ изъ ядовъ, растлѣвающихъ умы. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Разгоняевъ бесѣдуетъ съ невѣстой Тонина, Вѣрочкой, изображающей собою отчаянную нигилистку. Вѣрочка говоритъ о своемъ женихѣ Тонинѣ.

«Я все прошу его посвятить себя дѣлу, въ которомъ теперь настоящая необходимость....»

- Что же это такое?

"Я говорю про религію природы. Съ его дарованіями онъ могъ бы очень популярно изложить это; знаете, сперва происхожденіе земли по Лапласу, потомъ произвольное зарожденіе первой клѣточки изъ неорганическихъ элементовъ: кислорода, водорода и углерода, потомъ какъ она осложнялась въ животныхъ организамахъ и наконецъ достигла высшаго развитія въ человѣкѣ, этомъ крайнемъ воплощеніи химіи и физиологіи...

- Но вѣдь это все гипотезы, перебилъ Разгоняевъ. «Неужели это Тонинъ такъ взбудоражилъ ее?» вертѣлось у него въ головѣ.

Что такое гипотезы? Нѣчто противоположное фактамъ, твердому, положительному знанію. Гипотезы - это предположенія, выдумки, мечты; въ такомъ

смыслѣ конечно и поставлено здѣсь это слово.

Уже не разъ попадаются у насъ такіе легкомысленные отзывы о теоріяхъ и взглядахъ, имѣющихъ существенное значеніе въ естественныхъ наукахъ. Обыкновенно при томъ эти ученія искажаются и представляются въ нѣсколько превратномъ видѣ. Такъ и здѣсь. Что человѣкъ есть крайнее воплощеніе химіи и физиологіи - такой нелѣпости никакая наука не учитъ. Другое дѣло теоріи постепеннаго осложненія организмовъ. Каждый разъ, когда зайдетъ дѣло объ этой теоріи, мнѣ живо при этомъ представляется то время, когда явилась на свѣтъ система Коперника. И съ нею было тоже. Система Коперника тоже считалась ядомъ, растлѣвающимъ умы и подрывающимъ уваженіе къ преданію. И объ ней точно также говорили пожимая плечами: помилуйте! Вѣдь это одна гипотеза!

Теорія постепеннаго развитія конечно не менѣе важна, чѣмъ система Коперника. Удивительно, какъ люди до сихъ поръ не

вразумились опытомъ. Обращаться съ взглядами этихъ наукъ нужно въ высшей степени осторожно; глумиться здѣсь нельзя смѣть; а не то мы какъ разъ попадемъ въ число тѣхъ людей, для которыхъ казалось нестерпимой нелѣпостію, что земля кругла, и было страхъ какъ смѣшно, что она вокругъ солнца обращается.

Членъ жонда о нашей журналистикѣ.

Очень любопытны недавно напечатанныя мнѣнія о нашей журналистикѣ одного Поляка, агента жонда народоваго, по имени Стрыцкаго. Напечатаны онѣ въ сообщенной статьѣ варшавскаго Всеобщаго Дневника. Стрыцкій на допросахъ объяснялъ почему было сдѣлано покушеніе на жизнь майора Роткирха, корреспондента Московскихъ вѣдомостей. Между прочимъ, Стрыцкій сказалъ слѣдующее:

«Dziennik Poivszeczny постоянно срывалъ съ насъ маску и обнаруживалъ насъ во всей

нашей наготѣ: но ему не вѣрили, потому что русскія газеты тогда еще молчали. Но вотъ заговорили Московскія Вѣдомости: онѣ болѣе всѣхъ повредили нашей справѣ. Они начали рѣзко порицать русское управленіе въ Варшавѣ за бездѣйствіе власти. Покуда Московскія Вѣдомости молчали, польская справа стояла на высокомъ пьедесталѣ и Европа всѣ наши обманы принимала за чистую монету. Но Московскія Вѣдомости сбросили ее въ грязь, выказавъ всѣ ея недостатки, всю ея ложь и выставивъ сущность дѣла въ настоящемъ свѣтѣ. Московскія Вѣдомости однѣ охладили къ намъ Европу. А какъ г. Роткирхъ во всемъ этомъ былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ, потому что онъ заявлялъ малѣйшій фактъ и подрывалъ цѣлый фундаментъ зданія, и притомъ былъ не русскій, а нѣмецъ, обязанный намъ симпатизировать наравнѣ со всѣми нѣмцами, благодѣтельствованными вообще польскимъ народомъ (??), то онъ и подлежалъ смертной казни, въ примѣръ другимъ. Впрочемъ до убійства еще быть

можетъ не дошло бы, потомучто мнѣнія раздѣлились: г. Роткирхъ пользовался репутаціей честнаго человѣка, пріобрѣлъ большую симпатію въ народѣ, помогая каждому сколько могъ, убійствомъ его жондъ боялся охладить къ себѣ народъ; но изъ Кракова надоѣдали жонду безпрестанными требованіями истребить всѣхъ корреспондентовъ московскихъ и нѣмецкихъ газетъ и сотрудниковъ Всеобщаго Дневника, съ которыми не могла уже совладать польская печать. За Московскими Вѣдомостями шоль, не отставая ни на шагъ Русскій Инвалидъ, потомъ С.-Петербургскія Вѣдомости и др. Послѣднія и Голосъ сначала намъ благопріятствовали, но потомъ измѣнили. (Московск. Вѣд. 1864, № 63).

Многое тутъ конечно справедливо, и читатели безъ сомнѣнія легко отдѣлятъ искаженіе, пораженное незнаніемъ и увлеченіемъ отъ вѣрныхъ чертъ.

Дѣла въ редакціи современника.

Дѣла редакцій обыкновенно остаются тайной для современниковъ и открываются только потомству въ литературныхъ воспоминаніяхъ и біографіяхъ. Счастливый случай позволяетъ мнѣ однакоже занести въ свои замѣтки нѣкоторое извѣстіе о томъ, что творится въ настоящую минуту въ одной изъ главнѣйшихъ нашихъ редакцій. Въ 1 № Современника, въ некрологѣ А. В. Дружинина, подписанномъ Н-въ, сказано:

«Дружининъ обладалъ между прочимъ удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ не разгибая спины начиналъ и оканчивалъ третью. Кто помнитъ блескъ, живость, занимательность тогдашнихъ фельетоновъ Дружинина, которые во всей журналистикѣ того времени одни только носили на себѣ печать

жизни, - тотъ согласится, что такой человекъ въ данное время въ редакціи журнала могъ ломаться сколько душѣ угодно. Дружининъ былъ выше этого ломанья, о которомъ мы упоминаемъ потому что оно не чуждо многимъ достойнымъ дарованіямъ; нашъ портфель полонъ комическихъ фактовъ по этой части.»

Любопытно, очень любопытно! Такъ ломаются, сильно ломаются? И кто бы такой это былъ? Кто это достойныя дарованія, наполнившія портфель г. Н-ва комическими фактами? Неужели г. Щедринъ? Или можетъ быть г. Антоновичъ? Неужели же г. Пыпинъ?

Всѣ это покрыто еще мракомъ неизвѣстности и мы должны предоставить будущему полное разъясненіе этихъ тайнъ хранящихся въ портфель редакціи Современника. Кстати откуда произошло ложное мнѣніе, господствовавшее нѣсколько времени назадъ, что будто только у Русскаго Вѣстника есть портфель

редакціи? Вы видите онъ есть и у Современника.

Славянофильство и Гегель.

Давно уже мнѣ хотѣлось обратить вниманіе читателей на одно любопытное открытіе въ исторіи нашей умственной жизни. Впрочемъ какъ я ни запоздалъ, мнѣ кажется, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и теперь эта замѣтка не будетъ лишена интереса.

Года полтора назадъ, въ «Русск. Вѣстникѣ» (1862 г. № 11) была напечатана статья г. Лонгинова о Чаадаевѣ и при ней интереснѣйшій документъ, - два письма Чаадаева къ Шеллингу, писанныя на французскомъ языкѣ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Чаадаевъ говоритъ о славянофильствѣ; онъ утверждаетъ что славянофильство развилось у насъ подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи и притомъ именно подъ вліяніемъ Гегеля. Такое свидѣтельство о происхожденіи

славянофильскаго ученія очень важно, потомучто Чаадаевъ былъ конечно изъ самыхъ компетентныхъ судей въ этомъ дѣлѣ, да и самое дѣло, т. е. зарожденіе славянофильства, совершилось у него на глазахъ. Какъ видно оно очень его затрогивало и занимало.

Письмо писано въ 1842 году. Въ этомъ году Шеллингъ былъ приглашонъ въ берлинскій университетъ читать философію. Чаадаевъ съ радостію узналъ объ этомъ событіи и его письмо имѣло цѣлью - изъяснить Шеллингу эту радость и пожелать ему всякаго успѣха. Главная причина, по которой это событіе имѣло важность и по которой Чаадаевъ ему радовался, состояла въ томъ, что новое преподаваніе Шеллинга должно было уничтожить господство гегелевской философіи все еще сохранявшей тогда свой полный авторитетъ. Побѣды надъ этою философіею нетерпѣливо ждали всѣ поклонники Шеллинга, и самъ онъ надѣялся и обѣщаль быть побѣдителемъ. Чаадаевъ поздравляетъ

Шеллинга съ его торжествомъ и потомъ пишетъ:

«Я не имѣю притязанія думать, что мои поздравленія могутъ необыкновенно тронуть васъ, и можетъ быть, еслибы мнѣ нечего было болѣе сказать вамъ, я воздержался бы отъ писанья къ вамъ; но я не могъ устоять противъ желанія сообщить вамъ, какой могущественный интересъ связанъ для насъ съ вашимъ нынѣшнимъ преподаваніемъ и также съ какими глубокими симпатіями маленькая группа нашихъ философскихъ умовъ привѣтствовала ваше вступленіе въ этотъ новый періодъ вашего славнаго поприща.»

«Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, что спекулятивная философія уже давно проникла къ намъ; что значительная часть нашего юношества, жадная къ новымъ понятіямъ, усердно предалась этой готовой мудрости, разнообразныя формулы которой даютъ нетерпѣливому неофиту безцѣнное преимущество, снимая съ него трудъ тщательнаго размышленія, и высококомѣрные

пріемы которой такъ нравятся юношескимъ умамъ. Но вы вѣроятно не знаете того, что мы въ настоящую минуту находимся среди нѣкотораго рода умственного кризиса, который долженъ имѣть необыкновенное вліяніе на будущность нашей цивилизаціи; что мы поражены національной реакціей, страстной, фанатической, ученой, которая естественно вытекаетъ изъ чужеземныхъ тенденцій, слишкомъ долго господствовавшихъ въ нашей жизни, но которая однакоже въ своей узкой исключительности стремится ни чуть не менѣе какъ къ радикальной перестройкѣ идеи страны, идеи, образовавшейся какъ она теперь есть не въ силу какого-нибудь соціального катаклизма, что могло бы извѣстнымъ образомъ оправдать усиленный поворотъ къ прошлому, а просто въ силу естественнаго хода вещей, по неизбѣжной логикѣ времени, а что всего важнѣе по самому характеру націи. И вотъ философія, для развѣнчанія которой вы явились въ Берлинъ, проникая къ намъ, сочетаясь съ

ходячими у насъ идеями, совокупляясь съ господствующимъ у насъ духомъ, угрожала намъ совершенно извратить наше національное чувство, т. е. начало скрытое въ глубинѣ сердца каждаго народа, которое составляетъ его сознаніе, его особый способъ, которымъ онъ понимаетъ себя и ведетъ себя по пути, назначенномъ ему въ общемъ распорядкѣ міра. Изумительная гибкость этой философіи, допускающей всевозможныя приложенія, создала у насъ самыя странныя мечты о нашей роли въ мірѣ, о нашихъ будущихъ судьбахъ; ея фаталистическая логика, которая почти уничтожаетъ произволь, хотя и признаетъ его на свой ладъ, которая повсюду находитъ неумолимую необходимость, обратясь къ нашему прошедшему, готова была превратить всю нашу исторію въ ретроспективную утопію, въ надменную апоѳеозу русскаго народа; ея система всеобщаго примиренія посредствомъ совершенно новаго хронологическаго пріема, подстрекнувъ образчики нашихъ философскихъ дарованій, повела насъ къ

мысли, что предупреждая ходъ челоѡчества, мы уже осуществили среди самихъ себя ея заносчивыя теоріи; наконецъ она угрожала можетъ быть лишить насъ лучшаго наслѣдства нашихъ отцовъ, той цѣломудренности ума, той воздержности мысли, которою напитала ихъ религія, носящая глубокой отпечатокъ созерцанія и аскетизма. Судите послѣ этого, какъ радостно всѣ тѣ изъ насъ, кто истинно любить свою страну, должны были привѣтствовать ваше появленіе въ средоточіи этой философіи, вліяніе которой могло быть для насъ такъ губительно. И не думайте, чтобы я преувеличивалъ это вліяніе. Есть минуты въ жизни народовъ, когда всякое новое ученіе, каково бы оно ни было, всегда получаетъ необыкновенное могущество вслѣдствіе необыкновеннаго движенія умовъ, которое характеризуетъ эти эпохи. А нужно признаться, жаръ, съ которымъ у насъ на поверхности общества бьются чтобы найти какую-то потерянную національность, доходитъ до невѣроятной степени. Роятся во всѣхъ уголкахъ нашей

исторіи; передѣлываютъ исторію всѣхъ народовъ міра; приписываютъ имъ общее происхожденіе съ племенемъ славянскимъ, смотря по большей или меньшей ихъ заслугѣ; перерываютъ всю кору земнаго шара чтобы открыть въ ней свидѣтельства новаго народа Божія; и между тѣмъ какъ эта упрямая національность ускользаетъ отъ всего этого тщетнаго труда, фабрикують новую національность, которую желали бы наложить на страну, относящуюся впрочемъ совершенно равнодушно къ лихорадочному увлеченію этой безбородой науки. Но лихорадки заразительны, и еслибы ученіе о непосредственномъ обнаруженіи абсолютнаго духа въ человѣчествѣ вообще и въ каждомъ изъ его членовъ въ частности, продолжало царствовать въ вашей ученой метрополіи, то я увѣренъ, въ скоромъ времени весь нашъ литературный міръ сталъ бы приверженцемъ этой системы раболѣпствующей передъ человѣческимъ разумомъ и услужливо льстящей всѣмъ его притязаніямъ. Какъ вы знаете, въ дѣлѣ

философіи мы находимся еще только на точкѣ отправления; и такъ вопросъ въ томъ, отдадимся ли мы во власть идей, вызывающихъ въ самой сильной степени всякаго рода личное надменіе, или же оставаясь вѣрными той дорогѣ, по которой мы шли до сихъ поръ, мы будемъ продолжать ходить путями того религіознаго смиренія, той умственной скромности, которая во всѣ времена была отличительною чертою нашего національнаго характера и наконецъ плодотворнымъ началомъ нашего своеобразнаго развитія. И такъ продолжайте, милостивый государь, торжествовать надъ гордою философіею, думавшею, что она замѣнила собою вашу философію. Какъ вы видите, судьбы одной изъ великихъ націй зависятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ успѣха вашей системы. Пусть мы увидимъ, что когда нибудь среди насъ созрѣютъ всѣ плоды истинной философіи, и пусть мы будемъ обязаны этимъ вамъ!

1842 г. Москва 20 мая.

Не берусь судить окончательно о вѣрности показаній, содержащихся въ этомъ документѣ; во всякомъ случаѣ они очень важны и должны имѣть прочное фактическое основаніе.

Одно конечно вѣрно и не подлежитъ никакому сомнѣнію, именно, что славянофильство развилось у насъ подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, хотя можетъ быть не исключительно подъ вліяніемъ Гегеля, какъ полагаетъ Чаадаевъ. Фактъ очень извѣстный. Противники славянофиловъ очень часто ставятъ его имъ въ упрекъ и укоризну. Вы, говорятъ они, судите о русскомъ народѣ по нѣмецкимъ книжкамъ; своей народности, о которой вы столько толкуете, вы не можете понимать иначе какъ посредствомъ нѣмецкой метафизики. И это совершенно справедливо; какъ скоро рѣчь пойдетъ о народѣ, понимаемомъ не какъ простое скопленіе человѣческихъ недѣлимыхъ, то уже по словамъ видно, откуда мы взяли форму для этихъ мыслей. Тутъ непременно будетъ - органическое цѣлое и развитіе,

самобытность и заемныя формы, народный духъ и его проявленія и др. Однимъ словомъ мы не можемъ говорить о народѣ иначе, какъ словами или прямо нѣмецкими, или переведенными съ нѣмецкаго, т. е. мы употребляемъ философскія категоріи, выработанныя и разъясненныя нѣмцами. Своихъ словъ у насъ для этого нѣтъ.

Мнѣ кажется рядомъ съ этимъ важнымъ явленіемъ можно поставить другое точно также сказывающееся весьма сильно. Именно, если о народѣ мы думаемъ понѣмецки, то о государствѣ и о политическихъ событіяхъ мы большею частію думаемъ пофранцузски, а если не пофранцузски, то много-много, что поаглицки. Французская исторія насъ особенно привлекаетъ; можно безъ преувеличенія сказать, что мы воспитаны на ней несравненно больше, чѣмъ на своей русской. Яркія картины судебъ великой націи, ея блистательныя короли, ея великіе перевороты, жестокая борьба партій, высокопарное краснорѣчіе, кровь и побѣда, почти невѣроятныя крайности и увлеченія,

ни съ чѣмъ несравнимая экзальтація - все это живо передъ нашими глазами, все это господствуетъ надъ нашими мыслями. Нужно прибавить къ этому то обаяніе, которое свойственно чужому и прошлому; нужно взять во вниманіе и то, что впечатлѣніе постоянно подновляется и усиливается чтеніемъ новыхъ книгъ по этой исторіи. Отъ этого происходитъ, что подъ явленія этой исторіи, подъ тѣ формы лицъ и событій, которыя въ ней встрѣчаются, мы подводимъ всѣ современные случаи и происшествія. Безпрестанно можно услышать: «да такъ было при Людовикѣ XIV, при Людовикѣ XV!» «Это напоминаетъ 89 годъ!» «Тоже самое случилось въ 92 году!» и т. п.

Такимъ образомъ оказывается, что міръ нашихъ понятій во многихъ и самыхъ важныхъ своихъ частяхъ, есть міръ наносный и чужой. Чтобы основательно судить объ этомъ явленіи, не нужно однако же подводить его подъ одну общую точку зрѣнія. Всего лучше будетъ, если мы съумѣемъ различать въ данномъ явленіи его

органическія части. Подражаніе подражанію рознь. Большая разница на примѣръ между усиліями россійскаго юноши, который стремится перенять манеры и тонъ парижскаго франта, и стараніями другого юноши, который вздумалъ усвоить себѣ теоріи и ученія какого-нибудь французскаго химика или математика. На сколько первое нелѣпо, бесплодно и уродливо, на столько второе правильно, законно и плодотворно. Слѣдовательно въ отношеніи къ заимствованію мы будемъ различать между однѣми и другими сферами мысли и дѣятельности. Очевидно есть сферы, гдѣ подражательность болѣе законна и другія, гдѣ она менѣе законна. Именно, чѣмъ отвлеченнѣе и общѣе какая-нибудь область, тѣмъ правильнѣе и законнѣе въ ней подражательность; напротивъ, чѣмъ ближе какая-нибудь область къ конкретной, непосредственной жизни, чѣмъ тѣснѣе въ ней сливается форма съ содержаніемъ, тѣмъ уродливѣе и не законнѣе будетъ въ ней подражаніе. Чистыя голыя формы, отъ которыхъ содержанія нисколько не

зависить, можно заимствовать съ полнымъ правомъ. Поэтому философія разсматриваемая съ формальной стороны, какъ метода какъ пріемы мысли, составляетъ такое же общее достояніе, какъ и математика.

Никакъ нельзя этого сказать о нашемъ расположеніи понимать политическую жизнь по французскимъ или даже по англійскимъ образцамъ. Формы политической жизни тѣсно сливаются съ самымъ содержаніемъ, съ историческою индивидуальностію народа, которому они принадлежатъ.

Г. Юркевичъ о г. Спасовичѣ.

Въ №№ 9, 10 и 11 Современной Лѣтописи явилась весьма достойная чтенія статья г. Юркевича о книгѣ г. Спасовича - Учебникъ Уголовнаго Права. Эта книга надѣлала много шума; она была публично защищаема авторомъ какъ диссертация на степень доктора, и потомъ самый этотъ диспутъ

послужилъ яблокомъ раздора и былъ предметомъ журнальной полемики. Одни утверждали, что г. Спасовичъ блистательно защищалъ свою книгу, другіе же писали, что блистательны были только рукоплесканія многочисленныхъ его приверженцевъ, нисколько не заслуженныя его слабыми отвѣтами противъ сильныхъ нападеній. Статья г. Юркевича показываетъ намъ, что это послѣднее гораздо вѣроятнѣе; она отличается тою рѣзкостію полемическихъ приемовъ, которая бываетъ у людей, питающихъ большое пристрастіе къ умственной чистоплотности, и безпощадно разоблачаетъ несостоятельность пресловутаго учебника.

Одно только показалось намъ страннымъ. По какому-то непонятному уклоненію статья говоритъ не только о книгѣ г. Спасовича, но и о самомъ г. Спасовичѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Юркевичъ имѣетъ полное право говорить о комъ угодно; онъ можетъ конечно говорить и о г. Спасовичѣ, можетъ выступить передъ обществомъ какъ обличитель дурного

поведенія и настроенія этого человѣка. Но для такого обличенія намъ кажется у почтеннаго профессора должны бы имѣться твердыя основанія, какіе нибудь положительные факты, дѣйствительное знакомство съ самою личностію г. Спасовича. Между тѣмъ ничего этого нѣтъ; сужденіе о г. Спасовичѣ сказалось какъ-то не намѣренно и основывается единственно на его книгѣ. А развѣ книга можетъ быть основаніемъ? Положимъ что г. Спасовичъ дурно разсуждаетъ о совѣсти; слѣдуетъ ли изъ этого что онъ человѣкъ безсовѣстный? Положимъ что онъ не умѣетъ составить вѣрнаго понятія о справедливости слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ ни въ чемъ справедливости не наблюдаетъ?

Приведемъ выписки. Г. Юркевичъ очень сожалѣетъ о добромъ старомъ времени и описываетъ современное настроеніе умовъ и душъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы ищемъ удовольствія, а не справедливости; мы хотимъ знать то что доставляетъ намъ больше наслажденія, а не

то въ чемъ состоятъ наши обязанности, мы предпочитаемъ требованія страсти внушеніямъ совѣсти. Подавайте же намъ то чего мы ищемъ, чего мы хотимъ и что предпочитаемъ. Перестаньте толковать объ этихъ истертыхъ понятіяхъ, каковы: справедливость, долгъ, совѣсть. Это ветошь, которою нынѣ никто не занимается."

Вотъ какихъ чудовищъ, по мнѣнію г. Юркевича, породило наше время! Вотъ чего они хотятъ и требуютъ!

"Если кто съумѣлъ (продолжаетъ г. Юркевичъ) поладить въ наше время съ этими криками, такъ это г. Спасовичъ въ своемъ учебникѣ уголовного права. Раскройте учебникъ на удачу. Каждая страница убѣдитъ васъ, что вы имѣете дѣло съ ученымъ, который льститъ каждой страсти и каждой глупости, если только эта страсть и эта глупость имѣютъ кредитъ въ наше время."

Итакъ г. Спасовичъ еще хуже, чѣмъ вышеописанныя чудовища. Тѣ по крайней мѣрѣ сами по себѣ чудовища, а онъ гнусный льстецъ, оправдывающій всякую ихъ мерзость. Послѣ этого уже нечему удивляться когда далѣе г. Юркевичъ называетъ г. Спасовича коммунистомъ, Санктпетербургскимъ Оуэномъ и пр.

Въ качествѣ лѣтописца, я обязанъ замѣтить во первыхъ, что людей, которыхъ г. Юркевичъ описалъ такими мрачными красками, вовсе нѣтъ на свѣтѣ въ настоящую минуту. То есть ихъ нѣтъ именно въ томъ мѣстѣ, въ той средѣ и обстановкѣ, гдѣ ихъ воображаетъ г. Юркевичъ. Всегда во всякомъ обществѣ есть люди, которые ищутъ удовольствія, а не справедливости, которые предпочитаютъ требованія страсти внушеніямъ совѣсти; всегда есть люди которые думаютъ объ однихъ наслажденіяхъ, предаются разврату и скользятъ на краю преступленія. Но эти люди совсѣмъ не тамъ, гдѣ думаетъ ихъ видѣть г. Юркевичъ; но вовсе не такимъ

людямъ хотѣлъ угодить г. Спасовичъ, не съ такими голосами старался поладить.

Не нужно закрывать глаза отъ истины. Явленія, описываемыя г. Юркевичемъ, просто невозможны. Можно жаловаться на извращеніе и искаженіе понятій долга справедливости, нравственности; но самыя эти искаженія скорѣе свидѣтельствуютъ о благородныхъ стремленіяхъ, о глубокой потребности найти и уяснить себѣ истинную норму дѣятельности. Тутъ можетъ быть много жалкаго, смѣшнаго, нелѣпаго, но всего меньше тутъ безсовѣстности и отрицанія долга.

Точно также несправедливо сказать, что г. Спасовичъ - льститъ всякой страсти и всякой глупости, имѣющей кредитъ въ наше время. Откуда г. Юркевичъ такъ хорошо узналъ льстивую натуру г. Спасовича? Что значить уклоняться отъ дѣла къ лицамъ! У г. Юркевича конечно тоже есть предметы почтенія, есть авторитеты, которые онъ уважаетъ, есть ученія и вѣрованія, вліянію которыхъ онъ подчиняется. Что сказалъ бы онъ, еслибы его обвинили въ томъ, что онъ

все это дѣлаетъ не въ чистотѣ душевной, не по крайнему разумѣнію, а изъ лести, чтобы угодить тѣмъ, у кого эти предметы и вѣрованія имѣютъ кредитъ?

Никто не имѣетъ права видѣть въ заблужденіи не просто заблужденіе, а еще дурные инстинкты, обвинять заблуждающихся не въ одномъ неразуміи, а еще въ безнравственности, въ томъ, что они не хотятъ знать совѣсти и долга. Точно также никто не имѣетъ права заподозрѣвать искренность чьихъ нибудь убѣжденій на томъ одномъ основаніи, что находятъ эти убѣжденія нелѣпыми и нескладными. Между тѣмъ у насъ въ литературѣ самое любимое дѣло - намекнуть на безнравственность и подлость противника. Иногда это дѣлается по дѣтскому простодушію и смѣшиванію понятій, по которому человекъ увлекаемый своими убѣжденіями, дѣйствительно считаетъ подлостью все, что съ ними не согласно. Было же время, когда заблужденія приписывались дѣйствию нечистой силы. Но часто дѣло происходитъ и сознательно; т. е.

литературный воитель хорошо понимаетъ, что можно несоглашаться съ нимъ въ мнѣніяхъ, будучи въ то же время добросовѣстнымъ и честнымъ, и однакоже выискиваетъ всевозможные случаи, чтобы употребить противъ соперника обвиненіе въ безчестности, какъ самое сильное орудіе, наносящее самыя глубокія раны.

Такіе приемы и привычки въ особенности неумѣстны въ настоящее наше время. Уже и безъ того въ обществѣ распространено недоувѣріе и подозрѣніе; и безъ того накопилось столько ложныхъ страховъ и недоразумѣній. Фальшивая тревога, неосновательная боязнь и озлобленіе - болѣзнь настоящаго времени. Общество наказано ею конечно не безъ собственной вины. Яснѣе чѣмъ когда нибудь видно теперь, какъ мало гармоніи между нашимъ обществомъ и цѣлымъ организмомъ Россіи. Россія полна силы, довѣрія, мужества; она чувствуетъ себя крѣпкою, единою, растущею не по днямъ, а по часамъ; между тѣмъ въ обществѣ слышится

разрозненность и носятся какіе-то призраки, наводящіе то страхъ, то злобу.

Не дурно бы намъ очнуться, и прогнать отъ себя всѣ мечтательные ужасы. Признакъ силы есть спокойствіе и довѣріе; между тѣмъ у насъ, не смотря на огромную силу, безпрестанно возникаютъ явленія, указывающія на безпокойство и недовѣріе.

Два слова объ истинѣ.

Не могу воздержаться отъ замѣчанія на одно мѣсто статьи, о которой сейчасъ говорилъ. Г. Юркевичъ очень язвительно смѣется надъ тѣмъ невиннымъ ученіемъ, по которому въ каждой истинѣ кроется зародышъ заблужденія и на оборотъ въ каждомъ заблужденіи кроется зернышко истины.

"Чему въ самомъ дѣлѣ учить, говорить онъ, это ученіе, которое повторяется на тысячу ладовъ въ журналахъ, проникнутыхъ желаніемъ

пофилософствовать подь часъ и на скорую руку? Тому ли, что на примѣръ, въ истинѣ: двѣ величины равныя третьей равны между собой - кроется зерно заблужденія, и на оборотъ, что въ заблужденіи: два сложенные съ двумя даютъ сумму большую четырехъ - кроется зародышъ истины?,,

Странно! Примѣры г. Юркевича мнѣ кажется доказываютъ прямо противное тому, что онъ хотѣлъ доказать. Въ истинѣ: двѣ величины равныя третьей равны между собою конечно не кроется никакого зерна заблужденія; но это происходитъ по той простой причинѣ, что въ этой истинѣ вообще ничего не кроется. Въ ней все ясно и открыто, и никакихъ зеренъ не замѣчается. Эта безопасная и благополучная истина похожа на ножикъ безъ лезвія. Позволительно конечно восхищаться тѣмъ, что такимъ ножикомъ нельзя порѣзаться; но непременно нужно прибавить, что имъ и вовсе нельзя ничего рѣзать.

Что касается до заблужденія, приводимаго въ примѣръ г. Юркевичемъ, то дѣло еще хуже. Въ заблужденіи, что два сложенные съ двумя даютъ сумму большую четырехъ конечно не кроется ни малѣйшаго зернушка истины, но это происходитъ по особенной причинѣ, на которую заранѣе слѣдовало бы обратить вниманіе. Именно: это заблужденіе никогда не существовало, нигдѣ не существуетъ и никогда не будетъ существовать. Понятно отчего въ немъ нѣтъ никакихъ зародышей.

Итакъ чтоже выходитъ? Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что истины ничего не содержащія, не содержатъ и зародыша заблужденія и что заблужденія вовсе не существующія не скрываютъ въ себѣ зерна истины. Все это не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ ту журнальную философію, противъ которой такъ высококомѣрно вооружается г. Юркевичъ.

Отвѣтъ Г. Спасовича.

Въ № 77 С.-П. бургскихъ Вѣдомостей явился Отвѣтъ г. Юркевичу. Отвѣтъ этотъ какъ нельзя лучше завершаетъ дѣло; до его появленія можно было еще питать подозрѣнїе, что г. Юркевичъ не совсѣмъ справедливъ, что онъ придирается къ словамъ или перетолковываетъ мысли противника; можно было думать, что у г. Спасовича найдутся въ иныхъ случаяхъ сильные доводы противъ нападеній. Теперь всѣ эти надежды уже невозможны; изъ отвѣта ясно, что г. Спасовичу нечего отвѣчать, что онъ побить наголову.

Статья его однакоже прелюбопытная. Она наполнена какими-то удивительными наивностями, служащими наилучшимъ доказательствомъ того, какъ мелко понимаетъ авторъ свое дѣло, какъ постоянно ускользаетъ отъ него сущность вопроса. Г. Спасовичъ препростодушно высказываетъ, какъ незыблемыя истины, такія положенія, которыя не имѣютъ ни малѣйшей твердости и не представляютъ между собою ни складу ни ладу.

Попробую выписать ихъ въ видѣ афоризмовъ.

1864 года по Р. Х., 5 Апрѣля въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ напечатано:

1) „Для науки вообще, а наипаче для такой высокой науки, какъ философія, все равно - что еврей, что татаринъ, что остякъ.”

2) „Религія не имѣетъ непосредственной связи съ уголовнымъ правомъ.”

3) „Нашъ разумъ ограниченъ, наше знаніе имѣетъ свои предѣлы; въ этой-то области уму непостижимаго и царствуетъ религія.”

4) „Внѣ насъ безконечныя идеи (а въ томъ числѣ и идея справедливости) не существуютъ; эти идеи суть не что иное, какъ извѣстныя формы нашего мышленія; будучи продуктами мышленія, наши идеалы справедливости мѣняются по времени и мѣсту и могутъ быть только относительные, иными словами, что у одного народа слыветъ добродѣтелью, то у другого можетъ считаться порокомъ, и наоборотъ.

Что можетъ быть проще такого взгляда на справедливость?"

5) „Я могу быть вполне убѣжденъ, что справедливость не есть существо особое, что она не пришла ко мнѣ извнѣ, что она не врождена моему уму, но есть продуктъ моего собственнаго мышленія, и въ то самое время я могу быть глубоко преданъ носящимся въ моемъ умѣ идеаламъ справедливости, до пожертвованія этимъ идеаламъ моимъ общественнымъ положеніемъ, моими связями, богатствомъ, дружбою, любовью, даже самою жизнью."

6) „Необходимость бываетъ двоякая: дѣйствительная и воображаемая. Доказывать первую я считаю занятіемъ празднымъ и бесполезнымъ. Дитя хотѣло бы поиграть съ луною; достаточно сказать ему: достань и забавляйся. Утопистъ мечтаетъ объ обществѣ безъ наказаній; достаточно сказать ему: попробуй составить такое общество."

7) „Неужели вы думаете, что есть разница между устрашеніемъ и тероромъ? Я полагаю, что это два названія одного и того

же понятія, одно русское, другое французское. Неужели вы полагаете, что есть малѣйшая разница между возмездіемъ и местию?»

8) „Очевидно у г. Юркевича взглядъ на знаніе иной нежели у Сократа. Мудрѣйшій изъ Грековъ убѣжденъ былъ, что онъ знаетъ только одно: что онъ ничего не знаетъ.”

9) „Есть нынѣ запросы на подобныя моимъ произведенія; значить, они соотвѣтствуютъ какой либо потребности въ обществѣ.”

Эти и многія другія мѣста, доказываютъ не только правильность возраженій г. Юркевича, но также и совершенное чистосердечіе г. Спасовича и его преданность своимъ идеямъ. Лукавства въ немъ нѣтъ ни малаго.

Въ заключеніе замѣтимъ одинъ маленькій фактъ, который насъ немножко удивилъ. Г. Спасовичъ дѣлаетъ г. Юркевичу между прочимъ также два такіе упрека: что онъ (г. Юркевичъ) былъ сотрудникомъ «Домашней

Бесѣды,» и что будто бы писалъ въ защиту розогъ. Ба! подумалъ я, старые знакомые! Кто васъ не знаетъ? Только какъ вы сюда-то попали? Эти два обвиненія вотъ ужъ который годъ повторяются въ извѣстныхъ углахъ нашей литературы; но чтобы они явились наконецъ въ ученомъ диспутѣ (такъ называетъ свою полемику г. Спасовичъ; названіе не дурное!) этого я признаюсь никакъ не ожидалъ.

Какіе странные бываютъ случаи! Попробуйте настойчиво твердить нѣсколько лѣтъ одно и тоже, и вамъ повѣрятъ наконецъ даже ученые люди! Дѣло въ томъ, что оба эти обвиненія совершенно несправедливы; происхожденіемъ своимъ они обязаны досужеству нѣкотораго поэта въ обличительномъ родѣ, а поводъ къ нимъ былъ слѣдующій. Еще будучи въ Кіевѣ г. Юркевичъ напечаталъ тамъ же, въ Кіевѣ, одну статейку, которая пришлась по вкусу «Домашней Бесѣдѣ.» Бесѣда перепечатала статью цѣликомъ; въ этомъ и вся бѣда. Что дѣлать! Бываютъ же такія несчастія! Даже съ П. Л. Лавровымъ былъ такой случай,

что Домашняя Бесѣда сослалась однажды на его слова въ подтвержденіе своихъ мыслей. Онъ очень тогда извинялся передъ читателями.

Въ этой самой статейкѣ г. Юркевичъ говорилъ о необходимости религіознаго элемента въ воспитаніи. Развивать понятіе долга, чувство собственнаго достоинства и пр., говорилъ онъ, еще недостаточно; въ жизни человѣческой должны существовать другіе, болѣе энергическіе мотивы т. е. религія. Собственныхъ словъ не помню. Поэтъ обличитель почему-то не сообразилъ что дѣло идетъ о религіи; ему показалось что подъ энергическимъ мотивомъ можетъ подразумеваться одна розга (живое и тонкое воображеніе!). Подъ наитіемъ счастливой догадки онъ тотчасъ написалъ стихотвореніе и потомъ пошолъ звонить каждый мѣсяць о розголюбіи г. Юркевича. Вотъ и дозвонился до того, что его слова, попали въ ученый диспутъ г. Спасовича.

Такихъ случаевъ можно бы у насъ не мало насчитать.

Междоусобіе.

Между Современникомъ и Русскимъ Словомъ съ начала нынѣшняго года началась полемика, и обѣщаетъ быть очень жаркою.

До сихъ поръ отношенія этихъ двухъ журналовъ были таковы, что Русское Слово постоянно выражало свое одномысліе съ Современникомъ и свое уваженіе къ Современнику; Современникъ же, извѣстный строгостію своихъ сужденій, постоянно молчалъ о Русскомъ Словѣ, что и служило для сего послѣдняго знакомъ великой милости. Итакъ начинающуюся перепалку по всей справедливости слѣдуетъ признать междоусобною битвою.

Признаться, я вовсе не хотѣлъ было заносить этого факта въ свои замѣтки и заносу его только потому, что для многихъ читателей онъ покажется весьма немаловажнымъ. Я же увѣренъ, что они въ этомъ случаѣ сильно ошибаются.

Усобица эта происходитъ въ той области, которая давно уже отличается полнѣйшимъ бесплодіемъ, давно застыла въ неподвижныя формы и живетъ однимъ повтореніемъ и переживаніемъ давно сказанныхъ рѣчей. Тутъ невозможно ожидать какого нибудь оживленія; сколько бы ни было шума и движенія въ начинающейся перепалкѣ, все это только мнимое и видимое.

Дѣло началось изъ за г. Щедрина. Въ первой книжкѣ Современника онъ немножко подсмѣялся надъ нигилистами. Русское Слово теперь укоряетъ его въ измѣнѣ своему знамени. Мы не станемъ и пускаться въ разборъ этихъ препираній.

Гораздо важнѣе дѣло взялъ себѣ г. Писаревъ. Сверхъ укоровъ въ измѣнѣ, онъ занялся критическою оцѣнкою произведеній г. Щедрина и постарался опредѣлить достоинство и характеръ его юмора. Нѣкоторыя замѣчанія его въ этомъ отношеніи очень мѣтки и остроумны. Критикъ доказываетъ, что смѣхъ г. Щедрина есть смѣхъ легкій и невинный.

Описываются глуповскія губернскія власти: "Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется бывало губернской синклитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать - даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!,, Здѣсь сатирикъ нашъ, очевидно, находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять состязается въ остроуміи и невинности съ "Сыномъ Отечества,, и опять одерживаетъ блистательную побѣду надъ своимъ опаснѣйшимъ конкурентомъ. Всѣ плѣшивые! Ахъ забавникъ! А управляющій палатой кажется плѣшивымъ - каково? а учнешь толковать, мухи умрутъ, и таково оно тошно! Ну можно ли въ двухъ строкахъ собрать столько аттической соли?

Другой примѣръ приводимый критикомъ:

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: "Въ это хорошее старое время, когда собирались гдѣ либо "хорошіе,, люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

- А ты зачѣмъ на меня, подлець, такъ смотришь? говорилъ одинъ "хорошій,, человекъ другому.

- Помилуйте... отвѣчаетъ другой «хорошій» человекъ, нравомъ помирнѣе.

- Я тебя спрашиваю не «помилуйте,, а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаиваль первый хорошій человекъ.

- Да помилуйте-съ.

..И баць въ рыло!

- Да плюй-же, плюй ему прямо въ лахань (такъ въ просторѣчїи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался, случившійся тутъ, третій "хорошій,, человекъ!

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго

глазамъ сражающихся, и вдругъ и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя"...

Вы смѣтесь, читатель, и я тоже смѣюсь, потомучто нельзя не смѣяться. Ужь очень большой артистъ г. Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужь такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена-то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и пріятное, потому что вы видите передъ собою только смѣшныя слова, а не грязныя поступки; вы думаете только о затѣяхъ г. Щедрина и совершенно забываете глуповскіе нравы.

Нѣсколько далѣе критикъ говорить:

Приведу еще три примѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая невинность и несложность тѣхъ пружинъ, которыми г. Щедринъ надрываетъ животики почтеннѣйшей публикѣ. Его Сивущество Князь Полугаровъ (смѣйтесь же добрые люди!), всѣхъ кабаковъ,

выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель говорить рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужь не то, что «плевъ сто рублевъ», тутъ пахнетъ миліонами, а запахъ миліоновъ - сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти миліоны? Какою новою затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость?» Что можетъ сказать читатель, прочитавъ это удивительное мѣсто? Можетъ сказать совершенно справедливо: «Кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь?» Эта фраза будетъ заимствована читателемъ у самого г. Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственнаго остроумія.

Характеристика щедринаскаго юмора заключается такъ:

Г. Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно

охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играють глуповцы въ карты:

- Греческій человекъ Трефандось! восклицаетъ онъ (пѣхотный командирь), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандось этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

- Фики! продолжаетъ командирь, выходя съ пиковой масти.

- Ой, да перестань же пострѣль! говоритъ генераль Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю.

Не кажется ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что г. Щедринъ говоритъ вамъ "Трефандось,, и "Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками, и покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: "Ой, да перестань же пострѣль! Всю игру перепутаю,,... Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы

дѣйствительно путаете игру, т. е. сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно "тайные поросячьи амуры,,," "новая затыкаемость старой непоглащаемости,,," и особенно "сукинъ сынъ тузь,,," не чета "греческому человѣку Трефандосу,,,". Остроты г. Щедрина смѣлѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но за то и смѣется надъ остротами г. Щедрина не одинъ глуповскій генераль Голубчиковъ, а вся наша читающая публика и въ томъ числѣ наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь.

Читатель согласится, что въ этихъ замѣткахъ не мало правды, что они вѣрно направлены, въ отношеніи къ недостаткамъ г. Щедрина.

Но какъ скоро г. Писаревъ оставляетъ анализъ и эстетическую оцѣнку, онъ тотчасъ вдается въ совершенно воздушныя соображенія, въ поверхностную отвлеченность, имѣющую соблазнъ ясности

и приводящую его къ невѣроятнымъ выводамъ.

Вотъ на примѣръ его разсужденія:

Я радуюсь увяданію нашей беллетристики и вижу въ немъ очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственного развитія.

Поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться къ упадку со времени Пушкина.

Теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи и конечно этому слѣдуетъ радоваться.

Кто знаетъ какое великое дѣло - экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди сберегли себя въ цѣлости и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. Но одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій: глядя на него Русь православная начала понимать, что можно

быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни поэмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ.

Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: не дурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ рассказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета.

Итакъ беллетристика должна исчезнуть вслѣдъ за поэзіею - таково предвѣщаніе относительно нашего будущаго прогреса. А не хотите ли знать, что было бы если бы живъ былъ Добролюбовъ?

Мы, говоритъ г. Писаревъ, постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ и выбираемъ все, что поновѣе и получше. Еслибы Добролюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый понялъ и оцѣнилъ это явленіе.

Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризирова́ніе европейскихъ идей естествознанія и антропологии.

Этому заключенію предшествуетъ самая высокопарная похвала естественнымъ наукамъ.

Изученіе химическихъ силъ и органической кльѣтки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно - и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно - должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальные силы.

Этотъ восторгъ отъ естественныхъ наукъ нынче очень въ ходу. Хуже всего то, что г. Писаревъ принадлежитъ очевидно къ платоническимъ обожателямъ этихъ наукъ. Такіе обожатели обыкновенно приписываютъ своему предмету всевозможныя совершенства, тогда какъ полные обладатели предмета далеко не

находятъ въ немъ этихъ совершенствъ. И кромѣ того платоническіе обожатели всегда считаютъ любовь къ своему предмету дѣломъ весьма легкимъ и даже сладостнымъ. Въ мечтахъ конечно все легко и пріятно. Они не знаютъ какія трудности и жертвы сопряжены съ дѣйствительнымъ обладаніемъ, съ настоящею любовью.

Не мудрено поэтому, что г. Писаревъ заключаетъ свою статью совѣтомъ г. Щедрина - заняться популяризироваіемъ естественныхъ наукъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ.

Естествознаніе, говоритъ онъ, составляетъ въ настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу г. Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньи владѣть

русскимъ языкомъ, и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуповъ давно пора бросить.

Вотъ, читатель, самыя удивительныя диковинки, какія произвело на свѣтъ начинающееся междуособіе.

Германствующіе во Франціи.

Умственная жизнь французовъ давно уже очень слабо занимаетъ насъ. Мы привыкли считать ее бесплодною и ищемъ руководящихъ началъ въ Германіи или даже въ Англіи, но никакъ не во Франціи.

Можетъ быть одинъ Прудонъ составляетъ исключеніе и успѣваетъ не терять нашего вниманія.

Но въ настоящее время во Франціи обнаружилось очень интересное движеніе умовъ; именно появились люди, которые усвоили себѣ германскую науку и германскую философію, и дѣйствуютъ съ

большимъ успѣхомъ. Къ числу ихъ принадлежитъ Ренанъ, имя котораго и у насъ извѣстно, были даже переведены нѣкоторыя его статьи. У Ревилля, друга Ренана и автора лучшей критики на его книгу жизнь Иисуса мы находимъ нѣкоторыя любопытныя указанія. По его словамъ поклонниковъ Германіи или германствующихъ (germanisants) упрекаютъ въ томъ, что они теряются въ туманахъ или видятъ сны на яву, что они насилуютъ здравый французскій смыслъ, который никогда не поддается идеализму заимствованному у туманной Германіи.

Неправда ли какая знакомая исторія? И у насъ были тѣже упреки и даже совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Исторію умственной жизни Франціи въ послѣднія времена Ревилль вкратцѣ рассказываетъ такъ:

«Восемнадцатое столѣтіе оставило намъ въ числѣ элементовъ нашей національной жизни элементъ деистическій, который былъ очень не богатъ будущимъ, былъ

неспособенъ устоять противъ
возрастающаго повѣтрія нѣмецкой
метафизики, слѣдовательно былъ далеко
ниже положенія занимаемаго имъ нѣкогда,
когда въ глазахъ всѣхъ онъ былъ тоже, что
сама философія; но все-таки имѣлъ
значеніе. Благоразумное молчаніе, которое
официальная философія послѣднихъ сорока
лѣтъ хранила относительно религіозныхъ
вопросовъ, не позволяетъ точно рѣшить до
какой степени можно причислять ея
представителей къ деистамъ. Въ послѣднее
время съ этой стороны происходитъ
сближеніе съ германской мыслью, съ
имманентностію божества. Впрочемъ до
сихъ поръ еще невидно рѣшимости принять
участіе въ религіозныхъ спорахъ
настоящаго времени. Можно сказать только
одно, что вообще относительно вопросовъ
откровенія, догмата, церкви, наши
философы выходятъ съ точки зрѣнія въ
одно и тоже время и католической и
деистической.»

Главою официальной философіи, о которой здѣсь говоритъ Ревиль, какъ извѣстно былъ и есть до сихъ поръ Викторъ Кузень. Хотя онъ постоянно заявлялъ притязаніе на полное знакомство съ германской мыслью, но въ сущности вовсе не понималъ нѣмецкой философіи. Въ 1815 году, когда ему было двадцать два года, онъ получилъ кафедру философіи въ Парижѣ и черезъ два года отправился въ Германію, гдѣ провелъ безъ малаго четыре мѣсяца. Къ чему привело Кузена это путешествіе, можно видѣть изъ его тогдашняго дневника напечатаннаго имъ въ 1857 году (*Rev de deux M. Octobre*).

15 Ноября 1817 года онъ писалъ:

«Конечно нѣтъ сомнѣнія, что Германія есть великая школа философіи; нужно изучать ее и быть хорошо съ нею знакомымъ, но не нужно на ней останавливаться. Новая французская философія, если мнѣ суждено служить ей вождемъ послѣ Ройе-Колляра, столько же не будетъ искать своихъ вдохновеній въ

Германіи, какъ и въ Англіи: она почерпнетъ ихъ изъ источника болѣе високаго и болѣе вѣрнаго, изъ сознанія и фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуется сознаніе, а точно также и изъ великаго національнаго преданія XVII вѣка. Она сильна уже сама по себѣ здоровымъ французскимъ смысломъ; я вооружу ее еще опытомъ цѣлой исторіи философіи, и, при помощи Божіей, мы съумѣемъ такимъ образомъ избѣжать скептицизма Канта, перейти черезъ чувство Якоби и безъ гипотезы достигнуть нѣсколько лучшаго догматизма, чѣмъ догматизмъ философіи природы.»

Эти похвальбы и надежды, которыя самъ Кузень конечно почитаетъ сбывшимися, въ сущности не привели ни къ чему. Кузень избѣжалъ кантовскаго скептицизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно сказать, что онъ вообще избѣжалъ нѣмецкой философіи.

Только недавно, какъ мы сказали, пріемы чистой науки и настоящей критики проникаютъ во Францію.

Явленіе этихъ германствующихъ для насъ любопытно по сходству съ нѣкоторыми явленіями у насъ; но кромѣ того оно должно имѣть на насъ прямое вліяніе. Пофранцузски мы читаемъ больше, чѣмъ понѣмецки при томъ Французы и на поприщѣ науки отличаются большимъ изяществомъ изложенія, слѣдовательно будутъ читаться лучше нѣмцевъ. У Ренана, напримѣръ это изящество часто переходитъ даже въ изысканность и нѣсколько вычурную простоту.

Хроническое и злокачественное недоразумѣніе.

«И у насъ есть свои демократы, т. е. почвенники и славянофилы, любители народности и народа», говоритъ «Современникъ» (мартъ, 63 стр. Русск. Литер.). И такъ, кто любитъ народъ, тотъ, по мнѣнію Современника, демократъ; кто стоитъ за почву, т. е. отвергаетъ все наносное и извнѣ привитое, все вычитанное

а не пережитое, все призрачное, а не прямо вытекающее изъ жизни, все навязанное народу, а не переработанное его историческимъ смысломъ - тотъ тоже демократъ.

Это слово Современника, сказанное конечно весьма въ ироническомъ смыслѣ, нисколько не кажется намъ страннымъ. Мы знаемъ, что у почтеннаго журнала и не можетъ быть другихъ понятій. Онъ привыкъ судить обо всемъ по заграничнымъ книжкамъ. Онъ знаетъ, что на западѣ есть аристократы и демократы и совершенно увѣренъ, что они есть и у насъ, и вотъ уже столько лѣтъ ищетъ ихъ въ русской жизни съ примѣрнымъ рвеніемъ. Людямъ, которые столько лѣтъ увѣряютъ и его самого и его адептовъ въ томъ, что нѣтъ у насъ на Руси никакихъ атій, онъ не вѣритъ. Подите, говоритъ, а Монморанси, а Роганы, а де Креки - знаемъ мы васъ... и съ изумительною отвагою и азартомъ продолжаетъ онъ давно начатую борьбу съ Роганами и де-Креки.

Но, толкують ему, у насъ нѣтъ того сословнаго антагонизма, который существуетъ на западѣ. Тамъ были завоеватели и завоеванные, побѣдители и побѣжденные. У насъ ничего этого слава Богу не было, а теперь съ упраздненіемъ крѣпостнаго права уничтожились и послѣдніе слѣды всякаго антагонизма. Наше настоящее земство неисключаетъ изъ среды своей и высшіе класы. Какая же тутъ демократія въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этому слову.

Тотъ же Современникъ, въ той же книгѣ своей говоритъ:

«Всѣ совершавшіяся доселѣ реформы, начиная съ самой главной изъ нихъ, крестьянской, должны имѣть своимъ послѣдствіемъ возможность уравнианія правъ разныхъ сословій, черезъ сглаженіе привилегированностей, необусловливаемыхъ прямо необходимостію дѣла и справедливостію... Мы видимъ, что къ участію въ дѣлахъ земства призываются всѣ представители

опредѣленнаго закономъ имущества въ государствѣ, безъ различія сословій - безотносительно не только къ сословному различію, но даже къ способу владѣнія имуществомъ.» (Внутр. Обозр. 117 стр).

Ну можетъ-ли послѣ этого быть у насъ демократія, или другая какая нибудь атія? Конечно иностранцы смотрятъ на насъ иначе. Но иностранцы мѣряютъ насъ на свой аршинъ: имъ многое непонятно въ нашей жизни, точно такъ какъ нашимъ доморощеннымъ иностранцамъ непонятно то, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ явленій, которыя существуютъ на западѣ. Мы часто сами извращаемъ смыслъ нашихъ коренныхъ явленій, называя ихъ иностранными кличками. Не понимая сущности дѣла, мы наше царелюбивое земство называемъ демократическимъ и тѣмъ навязываемъ ему разныя антагонизмы, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ и не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ все наше земство, вся наша почва, если уже вамъ такъ нравится это слово, не

благоговѣтъ передъ своимъ великодушнымъ царемъ? Развѣ явленія, которыя воочію совершались и совершаются вокругъ насъ, не могли еще убѣдить Современникъ, что ни демократіи, ни демократовъ у насъ нѣтъ и не было, кромѣ пожалуй той небольшой кучки людей, которая мыслить по чужимъ книжкамъ. Но это «воздушныя явленія». О нихъ смотри ниже.

Другой примѣръ того же злокачественнаго и кажется едва ли излѣчимаго недоразумѣнія, которымъ страдаетъ Современникъ, представилъ намъ недавно г. Лонгиновъ. О г. Скарятинѣ мы уже и не говоримъ; такъ громко говорить за себя каждая его строка. Но г. Лонгиновъ, тотъ самый г. Михаилъ Лонгиновъ, который прилежнѣйшимъ образомъ слѣдитъ за литературою и знакомъ со всѣми ея былыми тайнами, вотъ какъ онъ толкуетъ о нѣкоторыхъ ея современныхъ настроеніяхъ. (Моск. Вѣд. № 81).

«У насъ все толкуютъ объ уваженіи и любви къ народу. Но какъ понимаютъ эти слова?»

И вотъ противъ чего вооружается почтенный авторъ:

«Подъ уваженіемъ къ народу разумѣть исключительно уваженіе къ простонародью, это есть вреднѣйшее и нелѣпѣйшее изъ самообольщеній. Масса вездѣ груба и невѣжественна; признаніемъ этимъ почти никто нигдѣ не оскорбляется, кромѣ какъ у насъ, гдѣ теперь это просто «не въ модѣ». Уважать же грубость и невѣжество, отвлекая ихъ отъ другихъ лучшихъ общественныхъ элементовъ, только потому что они преимущественная принадлежность массы, въ которой чудятся кому-то какія-то фантастическія первобытныя добродѣтели - выше силъ просвѣщеннаго и непредубѣжденнаго человѣка.»

„Съ другой стороны исторія учитъ насъ, куда ведутъ лести простонародью, превознесеніе его словами: „grand peuple,“

„peuple vertueux" и т. п. чрезъ что оно убѣждается, что остальные члены общества исключаются изъ среды народа, и составляютъ враговъ его. Лестъ блузникамъ или зипунникамъ не лучше лести сильнымъ міра сего. Искренніе и неискренніе льстецы блузъ бывали причиною великихъ бѣдъ, происходящихъ въ минуту общаго одуренія."

„Неужели же челоуѣчество обречено на повсемѣстное и періодическое повтореніе однихъ и тѣхъ же дурачествъ, ведущихъ къ однимъ и тѣмъ же горестнымъ результатамъ, и вѣчно придется повторять слова поэта:

A quoi servent, grand Dieu! les
tableaux que l'histoire
Deroule и проч."

Да гдѣ мы? Въ Москвѣ или дѣйствительно во Франціи? Не говоритъ ли съ нами какой-нибудь Роганъ, Монморанси или де-Креки?

Въ самомъ дѣлѣ какое странное смѣшеніе двухъ народовъ и двухъ исторій и какое глубокое непониманіе и той и другой!

«Лестъ блузникамъ», «peuple vertueux» и всѣ подобныя вещи у насъ просто невозможны. Народъ убѣждается, говорить г. Лонгиновъ, въ томъ-то и томъ-то. Странное дѣло! Не видѣли мы что-то до сихъ поръ, чтобы въ нашъ народъ проникали убѣжденія изъ другихъ высшихъ класовъ. Въ томъ-то все и дѣло, что нравственный строй народа недоступенъ для нашего дѣйствія, да какъ видно недоступенъ и для пониманія многихъ. Въ томъ-то и все дѣло, что нельзя судить о нашемъ народѣ по французскимъ книжкамъ, что нужно отказаться отъ всякихъ попытокъ возбуждать или передѣлывать его на французскій, на аглецкій и на всякій другой ладъ, что нужно уважать его внутреннюю, духовную жизнь, нужно учиться понимать ее.

Вотъ въ чемъ состоитъ уваженіе и любовь къ народу, а вовсе не въ лести и не во фразахъ.

Лѣтописецъ.
